Z 47
576

Издательство «РЕВОЛЮЦІОННЫЙ СОЦІАЛИЗМЪ» при Ц. К. П. Л. С.-Р.

Государ. публичная Историческая библиотека РСФСР № 28522 1964
247—576

ИНТЕРНАЦІОНАЛЪ и ВОЙНА.

(Лекція, читанная 21 сентября 1917 года на курсахъ Сѣвернаго Областнаго Комитета П. С.-Р.).

Война—не только нелѣпость, война—преступленіе. Войну могутъ оправдывать только тѣ, кто ставитъ интересы кошелька выше всего на свѣтѣ. Война—чудовищное зло, ненавистное всему человѣчеству, поскольку послѣднее не развращено тѣми, кто являются виновниками и апологетами человѣческой бойни.

Когда одинъ человѣкъ рѣжетъ и душитъ другого ради грабежа—это называется *убійствомъ* и карается по всѣмъ строгостямъ закона. Когда же государства въ цѣляхъ захвата территорій или рынковъ бросаютъ другъ на друга полчища подданныхъ, снабженныхъ наисовершеннѣйшей техникой взаимнаго уничтоженія,—это называется *войной* и поощряется всѣми, имѣющимися въ распоряженіи воюющихъ государствъ, средствами. Убійство ради кошелька становится геройствомъ.

Строй, опустившійся до противорѣчій, являющихся отрицаніемъ всякихъ нравственныхъ устоевъ, не можетъ больше имѣть права на существованіе. Онъ самъ осуждаетъ себя этимъ на уничтоженіе. И этотъ строй—строй капиталистическій въ его послѣдней формаціи, т. е. *имперіализмъ*, при которомъ объединенный финансовый капиталъ съ его хищной погоней за барышами полновластно царствуетъ надъ міромъ.

Стоитъ остановиться на основныхъ чертахъ этого строя, поскольку онѣ имѣютъ отношеніе къ войнѣ.

Когда какой-нибудь союзъ капиталистовъ, будь то акціонерная кампанія, синдикатъ, трестъ или картель, хочетъ занять господствующее положеніе на рынкѣ, имъ пускаются въ ходъ самыя разнообразныя средства борьбы въ цѣляхъ устраненія конкурентовъ: скупаются акціи конкурирующихъ предпріятій, улучшается качество или удешевляется продажная цѣна производимыхъ товаровъ, чтобы вырвать сбытъ у противника; пускаются въ ходъ и менѣе чистоплотныя средства борьбы, какъ, напр., опорочиваніе конкурирующей фирмы, судебные процессы противъ нея и, наконецъ, порча или даже уничтоженіе имущества противника. Это борьба хищниковъ не на животъ, а на смерть. Борьба длительная и упорная, пока одна сторона не устранитъ съ дороги или не поглотитъ другой.

Когда исчезаетъ надежда на рѣшительный успѣхъ съ той или другой стороны, враждующіе идутъ нерѣдко на соглашенія, объединяются въ союзъ, дѣлятъ полюбовно сферу вліянія. Жертвой ихъ вчерашней ссоры становится беззащитный покупатель—потребитель, такъ какъ помирившіяся стороны устанавливаютъ отнынѣ по взаимному соглашенію произвольно высокія цѣны на производимые ими товары. Потребителя обдираютъ, какъ липку: нѣтъ больше спасавшей его отъ высокихъ цѣнъ конкуренціи противниковъ; онъ весь въ рукахъ столковавшихся за его счетъ грабителей, диктующихъ

718

отнынѣ на рынкѣ не только цѣны, но и качество товара. Такова, напр., исторія образованія международнаго рельсоваго картеля, такова исторія борьбы крупнѣйшихъ германскихъ обществъ судоходства, съ одной стороны, и англо-американскаго судоходнаго треста—съ другой, борьбы, закончившейся договоромъ о раздѣлѣ міра въ связи съ раздѣломъ прибыли. Такихъ примѣровъ можно привести многое множество.

Точно такими же чертами характеризуется борьба между промышленниками и банкирами одной страны съ промышленниками и банкирами другой страны. Объединенная промышленность одного государства конкурируетъ съ объединенной промышленностью другого государства. Мѣняется масштабъ, размахъ борьбы; сущность ея остается та же. Бьютъ другъ друга качествомъ или дешевизной товаровъ, прибѣгаютъ къ скупкѣ заграничныхъ предпріятій, захватываются новыя колоніи для сбыта товаровъ, дѣлаются попытки расширить сферу вліянія за счетъ *вытѣсненія* на рынкѣ противника. Послѣднее становится обычнымъ средствомъ борьбы послѣ того, какъ во всемъ мірѣ не оказывается больше ни одного свободнаго клочка земли. Разъ весь міръ подѣленъ, не остается больше мѣста хищникамъ для захватовъ; начинается именно то, что называютъ деликатно «проникновеніемъ чужого капитала», «разграниченіемъ сферы вліянія» и т. д.

На этой почвѣ и совершаются такъ называемые *торговые договоры;* это въ случаяхъ, когда дѣло улаживается полюбовнымъ соглашеніемъ, мирно. Въ противномъ случаѣ происходитъ разрывъ между конкурирующими противниками; заинтересованными въ этой борьбѣ правительствами объявляется другъ другу *война.* На выручку зарвавшихся промышленниковъ и банкировъ спѣшитъ государство съ находящимися въ его распоряженіи многомилліонными арміями. Экономическая борьба рѣшается силою оружія. За экономическую политику господствующихъ группъ капиталистовъ вынуждены расплачиваться съ этого момента цѣлые народы.

Стоитъ вспомнить, въ связи со сказаннымъ, осложненія, возникшія въ Персіи на почвѣ разграниченія сферы вліянія русско-англійской, съ одной стороны, и германской, съ другой; стоитъ оглянуться на балканскую войну 1911—12 г.г., возникшую изъ-за столкновенія интересовъ славяно-греческихъ и турецкихъ—двухъ группъ, за спиной которыхъ стояли франко-русскій союзъ, съ одной стороны, и австро-германскій, съ другой. И, наконецъ, нынѣшняя міровая война, въ корнѣ которой лежитъ давнишняя вражда и конкуренція между двумя громадными капиталистическими трестами, объединенными съ одной стороны нѣмецкимъ государственнымъ, съ другой—англійскимъ королевскимъ банками.

Въ данномъ случаѣ, какъ и въ ранѣе описанныхъ, можетъ быть только два выхода: или одна сторона поглотитъ другую (что становится все менѣе вѣроятнымъ, ибо эта война давно уже не ведется больше за побѣду, а только «на истощеніе» одной изъ сторонъ), или враждующія стороны, учтя, что война перестаетъ быть выгоднымъ предпріятіемъ, придутъ къ какому-нибудь соглашенію, на основаніи котораго будетъ заново перекроенъ міръ, заново разграничена сфера вліянія одного и другого союза капиталистовъ англо-американскаго и германскаго (что болѣе вѣроятно, принимая во вниманіе степень

истощенія воюющихъ). Въ томъ и другомъ случаѣ—горе народамъ: послѣ побѣды одной стороны или соглашенія, къ которому прійдутъ господа промышленники-банкиры между собой, народъ-потребитель сдѣлается предметомъ жесточайшей, дотолѣ небывалой, эксплоатаціи со стороны этихъ господъ. Развѣ считаются съ рабами, хотя-бы тѣ и жертвовали жизнью и имуществомъ ради господъ!

Таковы въ краткихъ чертахъ сущность и смыслъ имперіалистическихъ войнъ, какими являются всѣ войны современности. Война становится однимъ изъ необходимыхъ моментовъ въ борьбѣ за рынки, предпріятіемъ, долженствующимъ увеличить доходность капитала. Если въ мирное время прибыль опредѣляется прибавочной стоимостью, то въ періодъ вооруженной борьбы она оплачивается кровью и жизнью, разореніемъ трудовыхъ массъ, служащихъ въ рукахъ капиталистовъ орудіемъ борьбы за капиталистическіе, а не народные интересы. Вотъ почему соціалисты не могутъ оправдывать и содѣйствовать войнѣ, они могутъ только противъ нея бороться. Ибо тутъ сталкиваются непримиримые интересы двухъ враждебныхъ классовъ: класса трудящихся и класса живущихъ отъ чужихъ трудовъ, класса эксплоатируемыхъ и класса эксплоататоровъ, угнетаемыхъ и угнетателей.

Для веденія войны капиталисты, помѣщики, крестьяне и рабочіе объединяются искусственно подъ знаменемъ одной государственности для того, чтобы бить по такому-же противоестественному союзу другой государственности. А между тѣмъ, война то идетъ по существу не между народами, а только между ничтожнымъ ихъ меньшинствомъ—капиталистами. Побѣда одного государства надъ другимъ—это означаетъ побѣду одной группы капиталистовъ надъ другой. Народу съ той и съ другой стороны отъ этого одна гибель и разореніе: война несетъ вѣдь съ собой уничтоженіе наиболѣе молодой и дѣйственной части населенія, она разрушаетъ вѣками накопленныя культурныя цѣнности. Во имя чего? Во имя кого? Во имя интересовъ враговъ большинства населенія любого государства, враговъ трудовыхъ его элементовъ.

Мы говоримъ часто, не думая о томъ, что говоримъ: нѣмецъ—врагъ, англичанинъ—другъ. Но всякій рабочій, всякій крестьянинъ скажетъ: если нѣмецъ—заводчикъ, помѣщикъ, банкиръ—онъ мнѣ дѣйствительно врагъ, какъ и заводчикъ, помѣщикъ, банкиръ—англичанинъ, французъ, русскій; если же рѣчь идетъ о нѣмецкомъ крестьянинѣ и рабочемъ, онъ мнѣ такой же другъ, какъ англійскій, австрійскій, итальянскій рабочій и крестьянинъ, какъ трудовой людъ всего міра. Значитъ нашими врагами или друзьями не могутъ быть люди въ зависимости отъ того, находятся они по ту или по сю сторону окоповъ, а лишь въ зависимости отъ того, по какую сторону баррикады они находятся: съ трудовымъ народомъ или противъ него.

Эту простую истину высказалъ еще первый Интернаціоналъ (международное объединеніе трудящихся), правда, нѣсколько иными словами, на первомъ конгрессѣ международнаго Рабочаго Общества въ Женевѣ въ сентябрѣ 1866 года: «Рабочій классъ, какъ таковой, вынужденъ вести борьбу за свое существованіе и за свои интересы, прямо противоположные интересамъ господствующаго класса—буржуазіи; свою борьбу рабочій классъ долженъ вести, надѣясь и

*

опираясь лишь на свои собственныя силы; борьба рабочаго класса должна носить международный характеръ, такъ какъ такой характеръ носитъ самый соціальный вопросъ». Итакъ, существуетъ въ мірѣ два врага, между которыми не можетъ быть не только мира, но и какого-бы то ни было перемирія. Эти два врага—трудящіяся всего міра, съ одной стороны, и буржуазія всего міра, живущая за счетъ трудящихся, съ другой. Между этими классами идетъ непрерывная борьба, которая должна кончиться побѣдой труда надъ капиталомъ.

Вотъ уже болѣе 50 лѣтъ, какъ прозвучалъ этотъ боевой кличъ перваго международнаго союза трудящихся перваго боевого Интернаціонала, чрезвычайно немногочисленнаго по своему составу, но включавшаго такія имена, какъ имена Маркса, Энгельса, Бакунина, Лафарга, Вальяна, Бебеля и Либкнехта.

На третьемъ конгрессѣ этого интернаціонала въ сентябрѣ 1868 года въ Брюсселѣ впервые былъ поставленъ и *вопросъ о войнѣ*. Докладчикъ Пепе указалъ тогда на то, что прочнаго мира можно ждать только отъ паденія буржуазнаго строя. Какъ на крайнія средства борьбы противъ войны указывалось, между прочимъ, на отказъ отъ воинской повинности и на массовыя стачки.

Этому Интернаціоналу не суждено было пережить войны 71-го года между Франціей и Германіей: онъ былъ объявленъ распущеннымъ въ сентябрѣ 1873 года, чтобы возродиться снова въ 80-хъ годахъ въ новый, объединившій гораздо большее число рабочихъ и профессіональныхъ организацій и охватившій въ буквальномъ смыслѣ слова весь міръ, второй Интернаціоналъ.

Несмотря на свое численное превосходство, второй Интернаціоналъ по своей тактикѣ былъ гораздо менѣе революціоннымъ, нежели первый. Онъ съ первыхъ-же шаговъ повелъ компромиссную, приспособленческую, оппортунистическую тактику, предпочитая избирательный бюллетень въ парламентъ и муниципальную политику (работу въ самоуправленіяхъ) революціонному дѣйствію. Начавшее было развиваться вширь и вглубь рабочее движеніе размѣнялось на мелочи, на соглашательскую политику съ буржуазіею ради проведенія ряда реформъ черезъ парламентъ, который въ концѣ концовъ сдавался на требованія трудящихся все таки лишь подъ угрозой массовыхъ выступленій. Но, какъ во внутренней, такъ и по отношенію къ внѣшней политикѣ, лидеры, вожаки второго Интернаціонала боялись революціонныхъ лозунговъ. Міровая война, вспыхнувшая въ 1914 году, явилась поэтому для него испытаніемъ, котораго онъ не могъ выдержать.

На международныхъ соціалистическихъ конгрессахъ не разъ вставалъ вопросъ, какъ быть въ случаѣ войны, которая со дня на день, въ особенности же съ 1902 года, стала непрестанно угрожать то одному, то другому государству. На эту тему говорили и въ Копенгагенѣ, и въ Лондонѣ, и въ Вѣнѣ, и въ Базелѣ, не говоря о Брюсселѣ, Цюрихѣ и Штутгардтѣ—и каждый разъ побѣждала идея національно-парламентской борьбы надъ идеей международно-революціонной. Наиболѣе революціонно настроенные члены конгрессовъ указывали на то, что рабочій классъ (особенно послѣ опыта первой русской революціи 1905 года) представляетъ теперь въ Европѣ достаточную силу, чтобы быть въ состояніи открыто бороться противъ войны.

Мѣрою предупрежденія считалась всеобщая желѣзнодорожная стачка въ странахъ, которымъ угрожаетъ война и связанная съ объявленіемъ войны подготовительная мобилизація. При одновременномъ объявленіи всеобщей желѣзнодорожной забастовки въ пограничныхъ странахъ, которымъ угрожаетъ война, всякая мобилизація дѣлается невозможной, а съ этимъ отпадаетъ и возможность объявленія войны.

Если же войнѣ помѣшать почему либо не удалось, и она уже вспыхнула, то предлагалось прибѣгнуть или ко всеобщей стачкѣ, при которой вообще никакое веденіе войны становится невозможнымъ, или даже къ вооруженному возстанію. На Брюссельскомъ конгрессѣ 1891-го года Домела Ньювенгуисъ открыто противопоставилъ и предпочелъ гражданскую войну между классами войнѣ между націями. И онъ былъ правъ постольку, поскольку классовая борьба открываетъ путь къ раскрѣпощенію труда отъ власти капитала, тогда какъ имперіалистическая война укрѣпляетъ власть капитала и ведетъ къ горшему порабощенію трудовыхъ массъ. Ужъ если рабочему и крестьянину идти на жертвы, такъ только ради перваго: есть смыслъ въ томъ, чтобы умирать за народное дѣло, безсмыслица—погибать ради интересовъ кучки капиталистовъ.

Выступавшихъ съ такими и подобными рѣчами на соціалистическихъ конгрессахъ называли «горячими головами», «анархистами», какъ сейчасъ охотно называютъ всякаго революціоннаго соціалиста «большевикомъ». Надъ ними снисходительно посмѣивались. А рѣшенія принимались компромиссныя: пусть де всякъ рѣшаетъ вопросъ въ случаѣ возникновенія войны у себя дома, какъ онъ хочетъ. Вопроса не рѣшали по существу, отъ него отмахивались.

Война загоралась, между тѣмъ, то въ Азіи, то въ Африкѣ, то на Балканахъ. Чувствовалось, что она грозитъ всей Европѣ, всему міру. Всѣ вооружались, безъ конца вооружались; не видно было конца этимъ вооруженіямъ: увеличивалась всюду численность арміи, строились новыя суда безъ числа, горячечно работали надъ усовершенствованіемъ военной техники. Военные бюджеты европейскихъ государствъ принимали чудовищные размѣры, непроизводительно поглощая милліарды народныхъ денегъ. Въ связи съ этимъ росли непомѣрно налоги. На одномъ публичномъ митингѣ Ллойдъ-Джорджъ сказалъ какъ то: если расходы на военныя нужды будутъ и дальше такъ расти, англичанамъ придется скоро ѣсть снаряды вмѣсто хлѣба.

Чтобы успокоить массы и заставить ихъ платить, была выдумана нелѣпѣйшая теорія, которую не гнушались популяризировать многіе мягкотѣлые соціалисты. По этой теоріи выходило такъ, что чѣмъ каждая страна будетъ сильнѣе и лучше вооружаться, тѣмъ будетъ она страшнѣе противнику; но такъ какъ и противникъ дѣлаетъ то-же самое, то скоро техника взаимнаго уничтоженія достигнетъ такого совершенства, что никто больше не рѣшится при такихъ условіяхъ начинать войну. Войны уничтожатся такимъ путемъ сами собой. Вотъ какъ морочили голову народамъ господа капиталисты, ихъ правительства и печатавшіяся на ихъ средства газеты; вотъ чѣмъ они усыпляли ненависть къ войнѣ.

Но что сказать человѣку, который, желая обезпечить себѣ спокойное житіе, сталъ бы таскать къ себѣ въ домъ динамитъ и наполнять имъ всѣ комнаты. Ему надо сказать: безумецъ, этимъ ты не

обезпечиваешь себѣ покоя, тебѣ грозитъ ежесекундно опасность взорваться на воздухъ со всѣмъ твоимъ домомъ, отъ малѣйшей искры можетъ воспламениться динамитъ, и тогда все пропало. Точно такъ взорвалась вооруженная до зубовъ Европа; неизбѣжное совершилось: спасенія было искать неоткуда и не отъ кого; всѣ растерялись. Вмѣстѣ съ эфемернымъ миромъ, зиждившимся на вооруженіи, постоянно угрожавшимъ войной, погибъ и второй Интернаціоналъ, проникнутый идеями соглашательства и оппортунизма. Въ первое время не удавалось даже какъ будто найти виноватаго въ томъ, что произошло—его не оказывалось или, вѣрнѣе, виноваты были всѣ.

Всѣмъ было въ сущности извѣстно, что вспыхнула война на почвѣ столкновенія интересовъ капиталистической Англіи и капиталистической Германіи. Англійской промышленности, англійскому финансовому капиталу, господствовавшимъ еще такъ недавно надъ всѣмъ міромъ, грозили упадокъ и гибель, поскольку Англія постепенно теряла міровой рынокъ подъ вліяніемъ расцвѣта германской промышленности и постепеннаго проникновенія всюду германскаго капитала. Весь вопросъ былъ въ томъ, кто первый окажется готовымъ для наступленія—Англія или Германія. Но столкновеніе было само по себѣ неизбѣжнымъ съ точки зрѣнія интересовъ капитала.

Этотъ источникъ войны былъ ловко замаскированъ выступленіемъ на авансцену Сербіи, Австріи и, наконецъ, Россіи. Могло показаться, что война загорается изъ-за маленькой Сербіи, за которую заступилась Россія. Для широкой публики всѣ карты оказались спутанными. Въ итогѣ всѣ оказались въ положеніи защищающихся: эту точку зрѣнія защищала буржуазная печать рѣшительно всѣхъ странъ, втянутыхъ въ войну. На самомъ же дѣлѣ вопросъ стоялъ такъ: Германія оказалась готовой первой и выступила первой, чтобы не дать выступить первой Англіи. Вѣдь преимущество всегда за наступающимъ, а не за обороняющимся, особенно въ началѣ военныхъ операцій.

А тотъ, кто единственный могъ спасти Европу отъ ужасовъ войны—международный союзъ трудящихся, второй Интернаціоналъ—оказался не на высотѣ положенія. Онъ не смогъ защитить интересовъ трудящихся всего міра, а вожди этого Интернаціонала, ничего не сдѣлавъ для предупрежденія этой страшной войны, когда она вспыхнула, позвали крестьянъ и рабочихъ, дабы тѣ стали подъ ружья на «защиту отечества», т. е. на защиту прибылей капиталистовъ и ради захватныхъ цѣлей капиталистовъ всѣхъ воюющихъ странъ. Кто теперь не знаетъ, что слова право, правда, справедливость, защита угнетаемыхъ націй, защита отечества, наконецъ, какъ и тотъ «страхъ», который долженъ былъ удержать всякое государство отъ войны, при условіи ощетинившейся штыками и вооружившейся до безумія Европы—все это были и есть пустыя слова, которыми морочили обывателю голову, чтобы усыпить его чувство страха и ненависти къ войнѣ.

Совершилось невѣроятное: налицо было *столкновеніе двухъ капиталистическихъ лагерей*, а расхлебывать это столкновеніе, платиться за него жизнью и имуществомъ должны были *всѣ*. И въ бой кинулись всѣ, одурманенные ложнымъ патріотизмомъ, криками о наступающемъ врагѣ, отъ котораго надо защитить границы вѣрой, что война кончится, не успѣвъ начаться. Крестьянинъ и ра-

бочій стоялъ рядомъ съ капиталистомъ и сражался не за свои, а за его интересы. Вчерашніе и сегодняшніе, а также и завтрашніе враги—эксплоатирумые, эксплоататоры, угнетаемые и угнетатели—стояли рядомъ *по одну сторону окоповъ*, а по другую сторону находился такой-же противоестественный союзъ непримиримыхъ враговъ. Тогда какъ вчерашніе друзья и товарищи, засѣдавшіе еще такъ недавно вмѣстѣ на международныхъ соціалистическихъ конгрессахъ, оказались другъ противъ друга, *раздѣленные о копами*, и убивали другъ друга.

Такова была дѣйствительность первыхъ недѣль и мѣсяцевъ войны, безумная дѣйствительность. И пусть причитающаяся доля отвѣтственности полностью падетъ на голову тѣхъ, кто, какъ Вандервельде, Шейдеманъ, Гендерсонъ, Плехановъ, Тома и другіе испытанные вожди соціализма, измѣнили ему и пошли въ станъ враговъ звать трудовой народъ на защиту интересовъ этихъ враговъ. Эти члены второго Интернаціонала, какъ и многіе другіе, вошли въ ряды буржуазныхъ правительствъ и стали вмѣстѣ съ ними работать на пользу войны.

Они не противопоставили имперіалистической войнѣ гражданскую войну классовъ, которая, въ корнѣ подрывая имперіализмъ, должна была въ концѣ-концовъ прекратить и порожденную имперіализмомъ войну. Нѣтъ, они вмѣсто этого стали проповѣдывать гражданскій миръ между враждующими классами (Burgfrieden, union sacrée). Удерживали рабочихъ отъ стачекъ, требовали отъ нихъ работы на оборону, неограниченнаго числа часовъ и по какой угодно платѣ. Эти бывшіе „товирищи“ звали къ жертвамъ безъ конца, къ жертвамъ на алтарь отечества, умалчивая о томъ, что подъ отечествомъ надо помнить широкіе карманы господъ промышленниковъ и банкировъ, враговъ трудового народа.

Но всякому психозу бываетъ конецъ; массы не могли не отрезвѣть, наконецъ, отъ этого военнаго безумія. Передъ каждымъ въ отдѣльности не могъ не вставать вопросъ, изъ-за чего пошла эта война, ради чего она ведется. Масса не могла не прозрѣть, глядя на свои и чужія разоренныя хозяйства, испытывая на себѣ всѣ тяготы войны и наблюдая при этомъ, тѣ фантастическія богатства, какія скапливались въ рукахъ у буржуазіи, несмотря на войну, а иногда даже и благодаря ей. Въ отчетахъ различныхъ предпріятій и акціонерныхъ компаній стали мелькать цифры доходности, отъ которыхъ у многихъ кружилась голова: 20—30—100—200%! Значитъ, кому-то война была выгодна, кто-то наживался на народномъ обнищаніи, на народной крови. Народъ сталъ поговаривать: война—чужое, враждебное намъ дѣло, насъ въ нее силкомъ втянули,—долой войну!

Если подъ вліяніемъ отрезвленія отъ военно-патріотическаго угара сталъ въ массахъ назрѣвать протестъ противъ войны, то надо сказать, что существовали соціалистическія группы во всѣхъ воюющихъ странахъ, которыя не измѣнили ни на мгновеніе дѣлу революціоннаго соціализма, все время борясь противъ войны, пока она назрѣвала, и противъ военно-патріотическаго угара (шовинизма), когда война уже вспыхнула. Эти группы не думали складывать оружія въ той классовой борьбѣ, которую они вели до войны, и при посредствѣ которой разсчитывали убить самую войну. Имъ

приходилось вести неравную борьбу на два фронта: съ патріотами-капиталистами и патріотами-соціалистами (соціалъ-патріотами), которые всѣ дули теперь въ одну общую дуду. Тяжесть ихъ положенія усугублялась тѣмъ, что интернаціоналъ распался, соціалисты разбились по группамъ воюющихъ: центральныя державы и страны согласія. Связи, возможности общенія порвались.

Великая заслуга центральнаго комитета итальянской партіи заключается въ томъ, что онъ въ маѣ 1915 года рѣшился взять на себя починъ созыва международной соціалистической конференціи. Эта конференція состоялась въ сентябрѣ того же года въ Циммервальдѣ (Швейцарія). На нее съѣхались оставшіеся вѣрными идеямъ международнаго революціоннаго соціализма представители изъ Германіи, Франціи, Италіи, Россіи, Румыніи, Болгаріи, Голландіи, Швейцаріи и Скандинавскихъ странъ. Англійскіе делегаты не смогли пріѣхать на конференцію, англійское правительство воспрепятствовало ихъ поѣздкѣ.

Такъ зародился на фонѣ военнаго пожарища третій революціонный Интернаціоналъ, воскресившій старые завѣты перваго Международнаго Общества Рабочихъ.

Собравшаяся въ укромной швейцарской деревушкѣ конференція заклеймила прежде всего тѣхъ, кто сдѣлался изъ соціалистовъ патріотами капиталистическаго отечества и постольку защитниками капиталистическаго строя. Непримиримая классовая борьба была признана единственно возможнымъ и дѣйствительнымъ средствомъ борьбы за освобожденіе трудящихся изъ-подъ ига имперіализма, эксплоататоровъ и захватчиковъ-капиталистовъ всего міра. Борьба за миръ черезъ борьбу за соціализмъ—таковъ былъ смыслъ выпущеннаго первой циммервальдской конференціей манифеста. Впервые прозвучалъ тамъ лозунгъ мира безъ аннексій и контрибуцій, основаннаго на самоопредѣленіи народностей.

Къ этому времени уже раздались на весь міръ смѣлыя слова члена германскаго парламента, солдата Либкнехта, слова, обращенныя имъ съ трибуны рейхстага къ солдатамъ фронта: «Оберните ваши штыки противъ вашихъ настоящихъ враговъ, внутри страны»! Онъ имѣлъ въ виду буржуазію и членовъ правительства. Молодой австрійскій соціалистъ Адлеръ, не имѣя возможности выступить публично, какъ это сдѣлалъ его товарищъ Либкнехтъ въ Германіи, претворилъ слова въ дѣйствіе. Онъ выстрѣлилъ въ австрійскаго министра-президента Штюргки, ревностнаго бюрократа и поборника войны. Этимъ онъ указалъ народнымъ массамъ, гдѣ ихъ подлинный врагъ. Либкнехтъ въ тюрьмѣ, Адлеръ на каторгѣ. Но ихъ дѣло, какъ и дѣло тѣхъ небольшихъ группъ, которыя послали своихъ представителей въ Циммервальдъ, не пропало безслѣдно. Отдѣльныя лица и группы превратились нынѣ въ многомилліонныя массы, исповѣдующія ихъ лозунги классовой борьбы и революціонной борьбы за всеобщій миръ: война имперіализму, война войнѣ, демократическій миръ усиліями трудящихся всего міра. Первый шагъ къ объединенію трудящихся былъ сдѣланъ.

Вторая циммервальдская конференція, состоявшаяся въ другой глухой швейцарской деревушкѣ Кинталѣ въ апрѣлѣ 1916 года, наглядно показала, какъ растетъ и крѣпнетъ борьба противъ капиталистическаго строя, сдѣлавшаго изъ войны доходное предпріятіе,—

борьба за скорѣйшее окончаніе войны усиліями трудящихся. Присутствовали нѣмецкіе, французскіе, итальянскіе, сербскіе, португальскіе и швейцарскіе делегаты; англійскіе, болгарскіе и румынскіе делегаты не были пропущены ихъ правительствами; делегаты Америки, Швеціи, Греціи и др. странъ не смогли пріѣхать по техническимъ причинамъ. Идеи народившагося третьяго Интернаціонала быстро распространялись по всему міру и объединяли все большій кругъ людей.

Кинтальскій манифестъ не могъ не подтвердить еще разъ, что если «во время мира капиталистическая система отнимаетъ у рабочаго всякую радость къ жизни», то «во время войны она отнимаетъ у него все, даже жизнь». Для «богатыхъ съ ихъ приспѣшниками, скрывающимися въ безопасности» война—«это смерть другихъ». Отсюда выводъ, что война для трудящихся массъ чужое имъ дѣло, противъ котораго надо бороться всѣми силами и средствами. Единственное средство, чтобы покончить разъ навсегда съ войной, это—«завоеваніе политической власти и отмѣна капиталистической собственности», изъ-за которой идетъ настоящая война. «Прочный миръ», говорится въ манифестѣ «будетъ плодомъ побѣды соціализма». Отсюда конечные лозунги: «Долой войну! Да здравствуетъ международный соціализмъ»!

О томъ, какъ откликнулись на этотъ призывъ широкія народныя массы, свидѣтельствуютъ распространившіяся по всей Европѣ демонстраціи и стачки съ кличемъ: «хлѣба и мира». Это движеніе приняло угрожающій для господствующихъ классовъ и правительствъ воюющихъ державъ характеръ къ веснѣ 1917 года. Въ Италіи оно охватило городъ и въ особенности деревню, гдѣ произошли крупные аграрные безпорядки; не миновало оно Франціи и даже Англіи. Въ Германіи, въ частности, въ Берлинѣ, Штеттинѣ, Гамбургѣ и др. городахъ въ теченіе нѣсколькихъ дней бастовали сотни тысячъ рабочихъ; забастовка сопровождалась уличными манифестаціями. Всюду приходилось вмѣшиваться войскамъ. Но среди самихъ манифестантовъ было много отпускныхъ. Особенно внушительна была однодневная майская забастовка въ Австріи, съ уличными шествіями и митингами. Австрія—единственная изъ воюющихъ странъ, разрѣшившая оффиціально чествовать 1-ое Мая, да еще съ лозунгомъ «мира». Знаменательное явленіе. Смотръ революціонныхъ силъ былъ произведенъ и далъ блестящіе результаты. Въ Россіи, какъ извѣстно, это движеніе кончилось февральской революціей, которая подняла духъ среди борцовъ за лучшее будущее и скорѣйшее окончаніе войны во всемъ мірѣ.

Итакъ, фундаментъ международнаго союза трудящихся заложенъ, домъ уже строится, есть основанія предполагать, что время не за горами, когда этотъ домъ будетъ подведенъ подъ крышу мира, продиктованнаго волею трудящихся всѣхъ заинтетесованныхъ въ этомъ мирѣ народовъ.

Многое, впрочемъ, зависитъ тутъ отъ того хода, какой примутъ событія въ Россіи. Вотъ почему стоитъ на этомъ остановиться.

Россія вступила въ эту войну въ качествѣ союзницы Сербіи, Франціи и Англіи еще при самодержавныхъ порядкахъ, при Николаѣ II. У насъ, какъ и у нашихъ враговъ, поскольку рѣчь идетъ о виновникахъ войны, о господствующихъ, правящихъ классахъ, чуть-ли еще не до войны установилось *единство политическаго фронта:*

всѣ столковались довольно единодушно о томъ, какой кому причтется лакомый кусокъ изъ міроваго пирога. Безъ такого сговора захватчики не могли бы дѣйствовать единодушно на фронтѣ и поддерживать другъ друга въ военныхъ операціяхъ.

Россія должна была получить Галицію, Арменію и свободный проходъ черезъ Дарданеллы изъ Чернаго въ Средиземное море; Англія добивалась восточно-африканскихъ колоній, находящихся въ рукахъ Германіи, ряда турецкихъ владѣній Палестины, Аравіи, Багдада,—она мечтала о созданіи «имперіи Индійскаго океана»; Италіи обѣщаны были Трентинъ, Тріестъ и славянскій берегъ Адріатическаго моря; Франція хотѣла забрать богатую рейнскую провинцію и колоніи Германіи въ Африкѣ и въ Тихомъ океанѣ; свой кусокъ должны были получить Бельгійцы, Португальцы, Румыны, Сербы и т. д.; у Американцевъ и Японцевъ былъ тоже свой разсчетъ; всѣхъ и всего, что должно было быть подѣлено на основаніи единства политическаго фронта, т. е. захватныхъ аппетитовъ союзныхъ промышленниковъ и банкировъ, не перечтешь.

Такое же единство политическаго фронта существовало съ самаго начала войны у Австро-германцевъ и у ихъ союзниковъ Болгаръ и Турокъ, которые, конечно, не меньшіе хищники, чѣмъ капиталисты выше перечисленныхъ странъ. Они столковались бороться за созданіе огромной колоніальной имперіи въ слишкомъ 30 милліоновъ квадратныхъ верстъ. Подъ гегемоніей Германіи должны были по этому плану очутиться Бельгія, Голландія, Скандинавскія государства, Балканы, Персія, Аравія, Египетъ и все африканское побережье Средиземнаго моря, отнятое у Италіи и Франціи.

По вопросамъ этого фронта хищники той и другой стороны старались избѣгать всякихъ разногласій, примиряя сталкивающіеся аппетиты отдѣльныхъ членовъ коалиціи.

Нѣсколько иначе обстояло дѣло съ фронтомъ *военно-стратегическимъ*. Въ этомъ отношеніи преимущество съ первыхъ же дней войны было на сторонѣ центральныхъ имперій. У нихъ по самому ихъ положенію создалось единство этого фронта, при чемъ фронта внутренняго, которымъ очень легко было руководить изъ центра. Отсюда въ значительной мѣрѣ—головокружительные успѣхи Австро-германцевъ въ первые мѣсяцы войны.

Намъ и нашимъ союзникамъ удалось создать единство стратегическаго фронта цѣной неимовѣрныхъ усилій, и то лишь къ концу второго года веденія войны. Дѣйствовать приходилось на внѣшнемъ фронтѣ, въ которомъ во многихъ мѣстахъ существовали прорывы (Греція, Румынія, Скандинавскія государства и т. д.). Установить единство оперативныхъ дѣйствій на этомъ огромномъ наружномъ фронтѣ, охватывавшемъ кольцомъ центральныя державы, установить его въ совершенствѣ такъ, какъ это единство существовало у Австро-германцевъ, не представлялось, конечно, возможнымъ. Но подобіе единства все-таки было установлено; согласованности военныхъ дѣйствій послѣ ряда конференцій достигли-таки.

Прочности единства, какъ политическаго, такъ и стратегическаго фронта, странъ согласія угрожала только одна опасность, опасность со стороны Николая II. Ни для кого не было тайной, что нашъ бывшій самодержецъ въ то время, какъ его генералы сдавали одну крѣпость за другой, велъ втихомолку переговоры съ нѣмцами

о сепаратномъ мирѣ. Это грозило, слѣдовательно, разрывомъ, какъ политическаго, такъ и стратегическаго фронта нашихъ союзниковъ Отсюда настороженность въ ихъ лагерѣ, частные переполохи въ связи съ разными носившимися слухами, готовность союзниковъ поддержать назрѣвавшую въ Россіи революцію и ихъ радость въ тотъ день, когда эта революція вспыхнула. Империализмъ странъ согласія считалъ дѣло войны спасеннымъ. Въ оффиціозныхъ газетахъ «Times», «Temps» и другихъ просто буржуазныхъ газетахъ появились восторженныя статьи въ честь русской революціи, которая, по ихъ мнѣнію, должна была теперь встать на защиту родины и помочь имъ, капиталистамъ странъ согласія, довести войну до конца, до побѣды надъ другимъ имперіализмомъ—германскимъ. Готовившій измѣну Николай II былъ подъ запорами.

Это ликованіе продолжалось недолго, всего лишь нѣсколько недѣль. Оказалось, что русская революція—не буржуазная, т. е. не такая революція, которая готова поддерживать классовые интересы буржуазіи, въ данномъ случаѣ имперіалистическіе интересы странъ согласія; оказалось, что наша революція—соціальная, что она выставила на первый планъ интересы трудового населенія и съ первыхъ же шаговъ выкинула лозунгъ мира безъ аннексій, безъ контрибуцій и на основѣ самоопредѣленія народностей, т. е. лозунгъ такого мира, который въ корнѣ разрушалъ какъ цѣли, ради которыхъ имперіалисты всего мира вели данную войну, такъ и основы самого имперіализма. Неожидано изъ устъ россійской революціонной демократіи раздался на весь міръ кличъ Циммервальда и Кинталя—третьяго Интернаціонала, звавшаго добиваться революціоннаго мира усиліями трудящихся всего міра.

Получилась картина на подобіе той, какъ если бы за карточнымъ столомъ сидѣло двѣ шулерскихъ компаніи, среди которыхъ затесался случайно одинъ честный игрокъ. Пока Николай II сидѣлъ на тронѣ, вся компанія игроковъ была шулерская: кто кого надуетъ, кто у кого больше стащитъ. Съ уходомъ со сцены Николая, вошелъ въ игру честный человѣкъ—*русскій народъ* и увидя, въ какой компаніи онъ находится, всталъ и заявилъ: «Я съ вами больше не играю, не нужно мнѣ ни Дарданеллъ, ни Константинополя, мнѣ вообще ничего чужого не нужно, у меня есть свое дѣло—революція». Всталъ и ушелъ. Такъ и было на дѣлѣ: народъ повернулся спиной къ фронту и сталъ заводить у себя новые порядки. Политическій фронтъ союзниковъ оказался прорваннымъ отказомъ Россіи отъ аннексій и контрибуцій; стратегическій же фронтъ оказался фактически прорваннымъ уходомъ съ фронта нѣсколькихъ милліоновъ людей, которые, оставивъ въ траншеяхъ плакаты съ надписью «Да здравствуетъ революція»! «Да здравствуетъ россійская демократическая федеративная республика»! «Да здравствуетъ интернаціоналъ»! «Да здравствуетъ миръ»!—ушли на митинги, въ организаціонную работу, а то просто посмотрѣть и провѣрить, не дѣлятъ-ли землю въ Ивановкахъ и Неѣловкахъ.

Нечего и говорить, что послѣ всего этого, послѣ того, какъ народъ и Совѣтъ Раб. и Солд. Депутатовъ опредѣленно заявили, что эта война для нихъ—чужая, что они за захваты воевать не хотятъ,—вся западная Европейская печать преисполнилась ненавистью къ намъ и отъ восторженныхъ статей перешли въ открытой ругани.

Тѣ же „Times“ и „Temps“ стали обзывать Совѣты кучкой негодяевъ и анархистовъ, съ которыми надо возможно скорѣе покончить. Ихъ негодованію не было предѣловъ въ особенности послѣ того, какъ всю печать обошло извѣстіе, что пензенскій губернскій съѣздъ крестьянъ высказался единодушно за отмѣну частной собственности на землю безъ выкупа и за передачу всѣхъ земель въ пользованіе народа на уравнительно-трудовыхъ началахъ, т. е. за соціализацію земли. Не могло быть больше никакого сомнѣнія въ соціальномъ характерѣ россійской революціи: она становилась угрозой для всего буржуазно-капиталистическаго строя всего міра. Наши союзники готовы были плакать по Николаѣ, считая, что его „измѣна“ ихъ общему дѣлу была ничѣмъ въ сравненіи съ тѣмъ, чѣмъ является для нихъ революція, которая грозитъ господствующимъ классамъ этихъ странъ въ буквальномъ смыслѣ слова гибелью.

Такой-же страхъ передъ революціей обуялъ имущіе классы Германіи, послѣ того какъ выяснилось, что революціонные порядки упрочиваются, что побѣда революціи въ Россіи будетъ означать такія крупныя соціальныя завоеванія, какъ, напр., соціализація земли, отъ которыхъ одинаково не поздоровится собственникамъ какъ Франціи, Англіи и Италіи, такъ и собственникамъ Австріи и Германіи. Надежды на анархію, которая дала бы возможность центральнымъ державамъ войти въ сепаратное соглашеніе съ Россіей, теряла подъ собой почву, устанавливался постепенно революціонный порядокъ, который все опредѣленнѣе высказывался какъ противъ захватнической войны бокъ о бокъ съ союзниками, такъ и противъ сепаратнаго мира съ Германіей. То и другое считалось революціонной Россіей укрѣпленіемъ мірового имперіализма, съ которымъ у нея ничего не могло быть общаго. Революціонная Россія хочетъ и мира революціоннаго. Вотъ почему то время, когда офиціальная Германія считала необходимымъ заигрывать съ революціонной Россіей, миновало быстро.

Нѣчто совсѣмъ иное заставляло, какъ нашихъ враговъ, такъ и нашихъ союзниковъ, до нѣкоторой степени деликатничать съ нами: союзники боялись окончательно потерять насъ, какъ военную силу, которая худо-ли, хорошо-ли, но оттягиваетъ отъ нихъ около 130 австро-германскихъ дивизій, а центральныя державы не осмѣливались безъ всякаго повода вести свои полки на революціонную Россію, онѣ не хотѣли создавать на этой почвѣ конфликта съ ихъ собственной демократіей. Легко-ли повести армію въ наступленіе противъ красныхъ знаменъ, на которыхъ были написаны такіе соблазнительные лозунги, какъ свобода, республика и миръ! Легко-ли сдѣлать это въ особенности тогда, когда эти знамена *не наступаютъ*, а спокойно развѣваются надъ окопами! Когда въ тылу у самихъ австро-германцевъ наростало широкое движеніе за демократизацію политическаго строя и за миръ, подъ вліяніемъ вспыхнувшей въ Россіи революціи!

Отсюда то затишье на фронтѣ, которымъ ознаменовались первые три мѣсяца нашей революціи, и это—въ самое удобное для военныхъ операцій время. Правда, былъ Стоходъ, но только онъ и былъ, и за него пришлось канцлеру Бетману Гольвегу извиняться въ рейхстагѣ передъ нѣмецкой демократіей.

Раньше можно было говорить: защищайтесь отъ русскаго варвара, отъ этого азіата, медвѣдя, который снесетъ всю вашу куль-

туру, разгромитъ и испакоститъ ваши села и города. Такъ можно было говорить, ссылаясь на существовавшіе тогда въ Россіи самодержавные порядки. Натравливать на революцію оказывалось дѣломъ невозможнымъ—изъ азіата и варвара русскій человѣкъ превратился въ самаго демократическаго гражданина въ мірѣ. Къ тому же у насъ, какъ будто, укрѣплялось движеніе въ пользу мира, и о насъ нельзя было говорить иначе, какъ словами: *Россія честно хочетъ мира.*

Понадобилось наше наступленіе 18 іюня, чтобы развязать Гинденбургу, Вильгельму и иже съ ними, руки. Теперь можно было снова повести австро-германскіе полки «на защиту родины», теперь, можно было снова начать агитацію противъ Россіи, противъ ненавистной русской революціи. «Смотрите, былъ въ правѣ говорить любой представитель австро-германскаго имперіализма, Россія, прикрываясь лозунгами мира, на самомъ дѣлѣ готовилась къ войнѣ и наступленію. Впередъ—на коварную Россію!» Такъ пали Тарнополь и Рига. Мы несемъ сейчасъ плоды содѣяннаго. Мы платимся за измѣну тѣмъ революціоннымъ лозунгамъ, съ которыхъ началась наша революція. Военная авантюра не удалась. Впереди насъ ждетъ только пораженіе.

Какъ могло все это случиться? Какъ могли мы снова втянуться въ войну, стать бокъ о бокъ съ нашими союзниками-захватчиками и постольку отвернуться отъ революціи?

Величайшей ошибкой было бы сваливать вину за случившееся на отдѣльныхъ лицъ, которыхъ нечего называть, ибо ихъ всѣ знаютъ. Дѣло не въ нихъ, когда совершаются событія мірового значенія. Люди нерѣдко становятся при такихъ условіяхъ игрушками самыхъ сложныхъ комбинацій и вліяній. Такъ и въ разсматриваемомъ случаѣ.

Наступать *приказалъ* Керенскій. Но развѣ для кого-нибудь тайна, что наступать *заставила* насъ вся союзная буржуазія вкупѣ съ нашей; съ этою цѣлью эта буржуазія мобилизовала полъ-міра, всѣ свои штабы, всю свою дипломатію, банки, печать, которой, кстати сказать, былъ брошенъ не одинъ милліонъ. И если говорятъ о «нѣмецкихъ» деньгахъ, то зачѣмъ же умалчивать объ «англійскихъ»... Мало того. Въ Россію стали посылать десятками «бывшихъ людей», то есть тѣхъ соціалистовъ-министровъ и просто соціалистовъ, которые измѣнили дѣлу международнаго соціализма и начали дѣлать общее дѣло съ господами имперіалистами, дѣло войны. Рѣшили, не безъ основанія, что «соціалистъ», какой онъ ни на есть, лучше сумѣетъ обдѣлать представителей демократіи, чѣмъ «капиталистъ». Много у насъ появилось тогда такихъ волковъ въ овечьей шкурѣ: итальянцевъ, бельгійцевъ, французовъ, англичанъ и т. д. Кто не знаетъ именъ Вандервельде, Гендерсона, Тома и др., почтившихъ насъ своимъ посѣщеніемъ.

Про Альберта Тома иностранная печать открыто писала передъ его поѣздкой въ Россію, что онъ ѣдетъ къ намъ для борьбы съ революціей: для укрѣпленія власти, успокоенія крестьянъ и рабочихъ, для того, чтобы снова двинуть Россію на войну до окончательной побѣды (Journal de Genève, передовица отъ 2—15-го апрѣля). Тома и другіе постарались убѣдить руководящіе круги россійской демократіи, что для насъ неизбѣжно участіе въ имперіалистической

войнѣ, если мы только дорожимъ завоеваніями нашей революціи. Но наши «совѣтчики» прекрасно знали, что они дѣлали; что рѣчь шла вовсе не о спасеніи революціонныхъ завоеваній, а о спасеніи расползавшагося дѣла войны, о спасеніи имперіализма, во имя котораго велась эта война.

Заговоръ удался — на какія гадости не способна финансовая буржуазія съ ея дипломатіей! — подъ страшнымъ давленіемъ всѣхъ слоевъ, прикосновенныхъ къ войнѣ, Россія была вынуждена къ наступленію; и этимъ снова было замкнуто кольцо войны странами согласія. Единство стратегическаго фронта было возстановлено. А до единства фронта политическаго—разъ Россія отказывалась отъ захватовъ — нашимъ союзникамъ не было никакого дѣла. Тома, Гендерсонъ и др., покидая Россію, могли быть довольны тѣмъ, что они ловко обдѣлали свое гнусное дѣло. Офиціально они все еще привѣтствовали революцію, говоря, что отнынѣ революція сошла съ пути безчестья и снова встала на пути чести. Лучше бы не привѣтствовали!

Смыслъ этихъ словъ скоро выяснился, когда послѣ наступленія вся западная европейская буржуазная печать въ одинъ голосъ возликовала по поводу нашихъ побѣдъ, которыя снова, казалось, обезпечивали имперіализму возможность дальнѣйшаго веденія войны. Въ парламентахъ министры выступили съ воинственными рѣчами, приглашавшими забыть о мирѣ и скорѣе покончить съ Германіей. Аппетиты снова разгорались у хищниковъ. Снова окрылялись у нихъ надежды на грядущіе барыши. Главная же радость основывалась на разсчетѣ, что война убьетъ ненавистную, угрожающую Европѣ, россійскую революцію. Здѣсь радость нашихъ союзниковъ раздѣляли съ ними и австро-германскіе имперіалисты.

Что, въ сущности, знаменовало собой наше наступленіе? Оно не только говорило, что мы отъ революціи снова поворачиваемся къ войнѣ, которой приходится отдавать теперь всѣ тѣ силы, какія раньше цѣликомъ отдавались на революцію. Оно говорило больше: что мы сами, отрицая аннексіи и контрибуціи, пособляемъ своимъ активнымъ участіемъ въ военныхъ операціяхъ успѣху одной изъ группъ имперіалистовъ, группѣ имперіалистовъ странъ согласія, что, отказываясь сами отъ захватовъ, мы пособляемъ захватнической политикѣ нашихъ союзниковъ.

Наше наступленіе могло бы найти себѣ оправданіе только въ томъ случаѣ, если бы на насъ наступали, и мы тогда оказывались бы вынужденными защищаться при помощи активной обороны. Тогда это явилось бы вооруженнымъ возстаніемъ революціоннаго народа противъ наступающаго австро-германскаго имперіализма. Но мы наступали, когда на насъ никто не наступалъ.

Наше наступленіе явилось поэтому преступленіемъ противъ революціи, противъ народа, котораго вовлекли въ опаснѣйшую изъ военныхъ авантюръ, принимая во вниманіе безсмысленность этого наступленія при тыловой разрухѣ и неустойчивости настроеній на фронтѣ. Технически предпріятіе было осуждено заранѣе на неуспѣхъ, политически оно наносило ударъ въ спину революціонной демократіи Западной Европы, укрѣпляя въ то же время позиціи имперіализма, какъ въ странахъ согласія, такъ и въ странахъ вражескихъ.

Наше наступленіе нанесло также величайшій ударъ нараставшему за-границей движенію въ пользу революціоннаго мира.

Союзные капиталисты кричали вмѣстѣ съ ихъ правительствами, обращаясь къ трудовымъ массамъ, возстающимъ за миръ: «Молчать, измѣнники отечества! Русская революція борется вмѣстѣ съ нами противъ хищнаго врага, какимъ являются Германія и Австрія». А въ то-же время императоръ Германскій, король Австрійскій, со своими штабами и съ финансовой буржуазіей, на которую они всѣ опираются, кричали бунтующимъ за миръ изстрадавшимся народнымъ массамъ: «Молчать, измѣнники! Русская революція противъ васъ! Сейчасъ не время говорить о мирѣ. Надо защищать отечество!»

И насъ, тѣхъ, кто боролись противъ наступленія, тоже клеймили именемъ «измѣнниковъ»; этимъ именемъ клеймила наша буржуазія исконныхъ борцовъ за интересы трудового народа, борцовъ, оставшихся вѣрными завѣтамъ перваго Интернаціонала. Ибо революціонные соціалисты, революціонныя массы всѣхъ странъ были всегда «измѣнники» своего отечества, поскольку они были врагами отечества капиталистическаго, поскольку они боролись противъ такого пониманія отечества!

Послѣ наступленія положеніе наше, положеніе россійской революціи, кореннымъ образомъ измѣнилось. Мы потеряли вѣсъ въ глазахъ буржуазнаго міра, какъ реальная военная сила: мы разбиты. Мы еще больше потеряли въ глазахъ трудовыхъ массъ Западной Европы, какъ не выполнившіе своихъ обязательствъ по векселю: миръ безъ аннексій и контрибуцій. Какой-же «миръ», когда мы снова начали «воевать»!

Для россійской революціи, если она не собирается втыкать штыковъ въ землю и идти на сепаратный миръ съ Германіей, что явилось бы не менѣе страшнымъ ударомъ по революціи и не меньшимъ укрѣпленіемъ позиціи враждебнаго намъ имперіализма, чѣмъ таковымъ явилось наступленіе 18-го іюня,—для нея имѣется только одинъ выходъ: отдавая должное на пассивную защиту фронта, всѣ усилія снова устремить въ сторону революціи. Отъ того, удастся или не удастся россійской революціи развернуть во всю ширь ея соціальное содержаніе, зависитъ не только судьба самой революціи, но и такіе частные вопросы, какъ быть-ли въ ближайшемъ будущемъ Учредительному Собранію, удержитъ-ли трудовой народъ въ своихъ рукахъ власть, быть-ли революціонному миру.

Вопросы мира неразрывно связаны съ ходомъ русской революціи. Миръ возможенъ только при ея поступательномъ побѣдномъ шествіи: только абсолютная демократизація власти, проведеніе соціализаціи земли, націонализація промышленности и т. д. Только это можетъ зажечь революціоннымъ энтузіазмомъ народныя массы Западной Европы, зажечь ихъ на революціонный подвигъ, на захватъ власти, на революціонное строительство, которое призвано опрокинуть тотъ строй, который вызвалъ и поддерживаетъ эту войну. Революціонное дѣйствіе, не только съ нашей стороны, но и по ту сторону границы, не можетъ не убить въ конечномъ счетѣ войну.

Идя смѣло къ намѣченной цѣли, мы не должны больше ограничиваться однимъ пустымъ призывомъ къ миру на условіяхъ, выработанныхъ Совѣтомъ Раб. и Солд. Депутатовъ въ первые дни революціи. Нѣтъ, мы должны создать условія, необходимыя для обсужденія платформы такого мира. Мы должны обратиться, какъ къ

воюющимъ правительствамъ, союзнымъ и вражескимъ, такъ и къ демократіямъ всѣхъ этихъ странъ, съ предложеніемъ немедленно заключить перемиріе на всѣхъ фронтахъ. Это необходимое условіе для разсмотрѣнія предлагаемыхъ нами условій мира. Теперь, это уже совершившійся фактъ. И чѣмъ ближе будетъ стоять наша революція къ побѣдѣ, тѣмъ легче будетъ намъ добиться удовлетворенія нашихъ требованій: сила революціи, когда рѣчь идетъ о перестройкѣ міра на новыхъ началахъ, имѣетъ несравненно большее значеніе, чѣмъ сила оружія.

Такова точка зрѣнія соціалистовъ революціонеровъ интернаціоналистовъ на войну и на революцію, поскольку война съ ней отнынѣ неразрывно связана. Величайшая ошибка думать, что разница между «оборонцемъ» и «интернаціоналистомъ» заключается въ томъ, что одинъ стоитъ за войну, а другой противъ войны. Оба, говоря общё, противъ войны. Но, въ то время, какъ «*оборонцы*» вѣрятъ въ возможность кончить войну войной и зовутъ въ цѣляхъ успѣшнаго веденія войны къ союзу съ буржуазіей, *интернаціоналисты* утверждаютъ, что кончить войну можно только революціей, борясь противъ имперіализма, вызвавшаго эту войну; такая борьба можетъ быть успѣшной только при условіи объединенія трудящихся всего міра: война войнѣ, и война, прежде всего, буржуазіи.

Для интернаціоналистовъ слово «побѣда» означаетъ лишь одно: побѣдимъ-ли мы съ союзниками, побѣдятъ-ли центральныя державы, народу отъ этого будетъ не легче. Не все-ли равно, кто будетъ драть съ насъ по три шкуры: австро-германскій или англо-американскій капиталъ. Вѣдь отъ милліардныхъ долговъ намъ не избавиться ни при побѣдѣ, ни при пораженіи. Платежъ однихъ процентовъ по этимъ долгамъ значительно превзойдетъ нашъ обычный государственный бюджетъ. Такъ и сякъ—разореніе, отсрочка на долгіе годы удовлетворенія насущнѣйшихъ культурныхъ потребностей населенія.

Трудовому народу нужна иная побѣда, побѣда не оружія, а революціи и революціи міровой, которая бы поставила крестъ на всѣ милліардные долги, накопившіеся за войну не у насъ однихъ, а также у англичанъ, австрійцевъ, французовъ, германцевъ, итальянцевъ и т. д. Революція, поставивъ крестъ на эти долги, предоставитъ расплачиваться по нимъ господамъ капиталистамъ, отвѣтственнымъ за войну.

И если хоть на минуту представить себѣ, что нашей революціи суждено замереть не побѣдивши, что участь народовъ рѣшится на фронтахъ или истощеніемъ воюющихъ—все равно революціи, міровой революціи не миновать черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ заключенія дипломатическаго мира. Иного выхода для трудящихся массъ не будетъ, выхода изъ невыносимаго экономическаго гнета, который не можетъ не явиться послѣдствіемъ этой разорительной войны. Это будетъ великая всеевропейская, а можетъ быть и всемірная соціальная революція.

Итакъ, впередъ на соціальныя завоеванія, которыя придадутъ бодрость и энергію другимъ народамъ. Впередъ на борьбу съ міровымъ имперіализмомъ! Да здравствуетъ третій революціонный Интернаціоналъ!

А. Устиновъ.